

Пуховицкая Ю.С.
ПИСЬМА БЫВШИХ ПОДПОЛЬЩИКОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ПОДПОЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ г. ЛЕПЕЛЯ И ЛЕПЕЛЬСКОГО РАЙОНА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

История подпольного движения в Лепеле и Лепельском районе в годы Великой Отечественной войны является малоизученной и противоречивой. Это во многом связано с самой сущностью подполья как явления. Свою роль играет и восприятие подпольной деятельности как неотъемлемой части партизанского движения. По прошествии почти 70 лет так и не создана обобщающая работа непосредственно по данной теме. В большинстве источников, находящихся в фондах Лепельского музея, подполье отражено как часть партизанского движения. Так, «Отчет Лепельской партизанской бригады им. Сталина», содержит информацию о руководителях подполья, наиболее активных его участниках, о взаимодействии партизан и подпольщиков [1, с. 28].

Одним из немногих источников, отражающих исключительно тему подпольного движения, являются письма бывших подпольщиков из фондов Лепельского районного краеведческого музея. Они датируются 1966–1978 гг. Большая часть писем адресована Кедаловой Наталье Константиновне, минской журналистке, одной из первых выпускниц журфака БГУ [2, с. 47], которая, исходя из текста писем, планировала написать художественную книгу, основанную на реальных событиях истории лепельского подполья. Ей удалось связаться со многими участниками подполья, более 10 лет с ними велась активная переписка. По ряду причин работа над книгой затянулась и, очевидно, так и не была завершена. Однако итогом работы стали письма-воспоминания участников лепельского подполья [3]. Этот комплекс писем является практически неисследованным и не включен в научный оборот. Основным их преимуществом перед другими источниками является возможность посмотреть на события с точки зрения их непосредственных участников, выявить психологические характеристики подпольщиков, определить более широкий круг персоналий, имевших отношение к подпольной деятельности, в том числе не зафиксированных в официальных документах.

Комплекс писем неоднороден как по внешним признакам, так и по содержанию. Он включает 80 писем. Часть из них написана вручную, часть напечатана на машинке. Ряд писем по структуре представляют собой ответы на вопросы, заданные Кедаловой, некоторые оформлены как воспоминания. Часть писем написаны не самими подпольщиками, а их родственниками (это касается в основном погибших подпольщиков). Одни подпольщики принимали более активное участие в переписке (так, М.В. Нарушевич написала около 30 писем), другие отметились одним-двумя письмами. Проанализировав содержание писем, можно выделить два существенных аспекта информации. Во-первых, оценка автором письма собственного вклада в общее дело и мотивы участия в подпольной деятельности. Для бывших подпольщиков не характерно выделение своих личных заслуг, свою деятельность в годы войны они воспринимают как должное: «к числу подпольщиков периода Отечественной войны я не смею себя причислить, т.к. ничего особенного из ряда вон выходящего я не сделала...» (А. Аникеевич,) [3, п.50]; (здесь и далее орфография и пунктуация авторов сохранены – Ю.П.); «писать про меня не нужно, ибо я ничего не сделала, а просто выполняла свой долг комсомолки» (А.Парфенчук) [3, п. 40]; «мы делали то, что делали тысячи советских людей, так что много писать о себе не стоит» (М. Мешкова) [3, п. 49]. Некоторые все же акцентируют внимание на своей роли в подполье: «: «Закревский Владимир один может быть не смог сделать всего, если бы не имел помощники в моем лице. Он и товарищам ... представлял меня, как свою правую руку» (А. Закревская) [3, п. 3].

Во многих письмах подпольщики пишут о своем участии в подполье кратко, без подробностей, выражают сомнения в необходимости этих воспоминаний: «у меня была записка от Лобанка он просил медикаментов, я их отдала по назначению, а записку спрятала за обои, но бомбежка – пожар уничтожено было, да и спустя три с половиной десятилетия все это уже не нужным стало» (А. Аникеевич) [3, п. 17]. В других подробно перечисляют, в чем конкретно заключалась их деятельность: «я получала медикаменты, кристаллический йод, перевязочные материалы...а также доставала на рынке махорку, мыло... Участвовала в сборе советских денег и облигаций в фонд Красной Армии. Вязала носки и рукавицы с двумя пальцами из шерсти...» (А. Клац) [3, п. 1]; «1. Партизанам мы сообщали какие прибыли части немецкие... 2. Помогали пленным переходить в лес к партизанам. 3. Собирали немецкие марки покупали табак и соль для партизан. 4. Доставали медикаменты для партизан» (Н. Зайцева) [3, п. 23].

Во-вторых, оценка участия других людей в подпольной деятельности. Лепельское подполье было достаточно разветвленным и законспирированным, только в Лепеле в период оккупации действовало 7 подпольных групп [4, с. 225]. В связи с этим авторы писем в годы войны были знакомы только с ограниченной группой людей, многие им были, либо вообще неизвестны, либо неизвестны как подпольщики: «Вот Марию Мешкову я не помню, и по-моему такой не было...» (А. Клац) [3, п. 8]; «я не знаю, была ли у нас связь какая с Бакштаевым, я одно знаю, что он врач и спасал меня от смерти» (М. Мешкова) [3, п. 56]; «Мензуренко я самого не знала, знаю, что его расстреляли немцы» (Н. Матуйзо) [3, п. 32]. Тех же, с кем они были непосредственно знакомы в годы войны и связаны общей деятельностью оценивают с положительной стороны: «Володя Закревский был героический, легендарный человек, а как восстановить справедливость, ... не знаю» (М. Нарушевич) [3, п. 14]; «она была настоящей героиней, бесстрашной» (М. Мешкова о сестре Елене) [3, п. 49].

Кроме того, письма содержат различную информацию о более 40 персоналиях, которые в той или иной степени участвовали в подпольной деятельности, описание внешности некоторых участников подпольного движения, описываются конкретные действия подпольщиков, называются имена предателей и людей, сотрудничавших с

оккупантами. Представляет интерес информация о расположении зданий, учреждений в Лепеле в довоенные годы и период оккупации.

Отдельного внимания заслуживают такие аспекты, как история увековечивания памяти погибших подпольщиков, получение выжившими подпольщиками подтверждающих документов об участии в партизанском движении, условия их жизни после войны. Сложившуюся ситуацию отражают следующие цитаты из писем Марии Владимировны Нарушевич, одного из главных борцов за создание истинной истории лепельского подполья: «Итак, Лепельские Анджелы еще нуждаются все в признании, что они это они»; «я слышала что говорят, будто бы все настоящие подпольщики погибли. Что ж может быть и правда лучше было погибнуть, чем остаться в живых. Но я не покупала своей жизни ценой предательства» [3, п. 10]. Этот же вопрос Ада Казимировна Закревская поднимает в письме В.Е. Лобанку: «с нами через тридцать с лишним лет после войны не могут разобраться кто кем был» [3, п. 3]. Эта тема занимает в письмах не менее важное место, чем события 1941–1944 г. и заслуживает особого исследования.

При анализе содержания писем и использовании описываемых фактов в историческом исследовании необходимо учитывать, что письма были написаны по прошествии 25 и более лет после описываемых событий, в связи с чем многие моменты могут быть отражены не совсем точно, что отмечают и сами авторы: «все описанное здесь было, но не все и всех в состоянии я описать как положено, т.к. к счастью человек способен многое забывать и прошедшее 20-летней давности даже имеет какой-то романтический оттенок и в молодости все кажется более розовым, чем в старости» (А. Аникеевич) [3, п. 50]; «в то далекое время не думалось, что когда-либо придется припоминать все то, что видел и слышал и делать из него заметки. Время унесло из памяти многое и восстановить связь между событиями того времени и действующими в них лицами теперь не представляется возможным» (М. Бакштаев) [3, п. 62].

Свойственны для них также такие характеристики, как:

–эмоциональность, использование просторечной лексики: «Наталя Константиновна, откуда вы всё это взяли? Это же сплетня! Чепуха!!! (М. Нарушевич на вопрос о работе в немецкой комендатуре заготовителем) [3, п. 4].

–завуалированность многих фактов, требующая умения читать между строк и сопоставлять эпизоды из разных писем. Так как доступна только часть переписки, это затруднительно. «Есть в материалах, посланных Вам некоторыми лицами, очень много неправды, я имею в виду несколько последних воспоминаний одной особы. Могу объяснить только при встрече лично» (М. Нарушевич) [3, п. 55].

–противоречивость информации. На мемориальную доску, установленную на памятнике в память о погибших подпольщиках, занесена фамилия Мензуренко. Вот что пишет о нем М. Нарушевич: «О Мензуренке Судак подтверждает, что он был арестован не за связь с партизанами, а с ним свели старые личные довоенные счеты. Тогда может быть его портрет не нужен в книге?» [3, п. 68].

–наличие информации, не относящейся к описываемым событиям (рассказы о своем здоровье, семейных делах и т.д.);

–субъективность, нередко связанная с личным отношением к человеку: «был хороший друг в то время, но после лагеря не пожелал ехать на родину...такие люди нам не нужны» (А. Катырло на вопрос о целесообразности включения в книгу материалов о О. Парфиановиче) [3, с. 72].

Таким образом, письма нельзя рассматривать как главный источник для исследования истории лепельского подполья, но в комплексе с другими источниками они могут стать основой для создания обобщающей работы по этой проблеме.

1. Отчёт партизанской бригады им. Сталина. – КП 390. – УК «Лепельский районный краеведческий музей».
2. Журфак / Аўт.-склад.: В.П. Вараб'ёў, А.К. Свораб, М.П. Карповіч, Т.А. Луйгас; Рэдкал.: В.П. Вараб'ёў (адк. рэд.) і інш. –Мн.: БДУ, 2004. – 306 с.
3. Письма, воспоминания подпольщиков о Лепельском подполье в годы Великой Отечественной войны. 1968-1978 гг. – НВ 3713/80. – УК «Лепельский районный краеведческий музей».
4. Памяць: Лепельскі раён: Гіст.-дак. Хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / Укл. В.Я. Ланікіна, А.У. Стэльмах; Рэдкал.: В.Я. Ланікіна і інш.; –Мн.: Беларусь, 1999. –640 с.